

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Д.О. Серов*

ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о сочетании архаичных и новаторских особенностей в законотворческом процессе России в период реформ Петра I. Обосновано, что в наибольшей мере следование традиции проявилось в сохранении у законодателя представления о том, что ключевым сегментом системы законодательства России должен являться единый кодифицированный акт. Новациями в отечественном законотворческом процессе первой четверти XVIII в. явились: 1) изменение порядка официального опубликования нормативных актов, которые начали систематически тиражироваться типографским путем; 2) возникновение такой формы систематизации законодательства, как инкорпорация; 3) невиданная по масштабу рецепция западно-европейских правовых институтов (особенно широко — шведских); 4) широкое привлечение к подготовке законопроектов состоявших на российской службе иностранных специалистов. В статье впервые приведены данные как о количестве нормативных актов, обнародованных типографским путем в 1714–1725 гг., так и об инкорпорационных сборниках, изданных в 1718–1725 гг. Выделены и охарактеризованы три сценария заимствования иностранного правового опыта в законотворческом процессе России первой четверти XVIII в.: 1) сопровождавшееся минимальной адаптацией прямое перенесение на отечественную почву иностранных правовых институтов; 2) углубленная адаптация зарубежных образцов к российским условиям, попытки осуществить синтез зарубежных и отечественных правовых институтов; 3) поверхностное, фрагментарное заимствование иностранных правовых институтов (крайним выражением подобного сценария явился феномен использования иноязычной терминологии для обозначения создававшихся российских институтов, вообще не имевших зарубежных аналогов). Особое внимание в статье уделено характеристике второго из отмеченных сценариев — на примере процесса рецепции принципа структурного и функционального отделения судебных органов от административных.

Ключевые слова: юриспруденция, «полицейское» государство, всеобщая кодификация законодательства, инкорпорация, рецепция права, правовая пропаганда, официальное опубликование закона, Петр I, законотворческий процесс, Правительствующий Сенат.

История отечественного законотворческого процесса неоспоримо является сегодня одним из перспективных направлений историко-правовых исследований. Между тем, до настоящего времени так и не появилось работ, специально посвященных за-

© Серов Дмитрий Олегович

* Доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского государственного университета экономики и управления [serov1313@mail.ru]

630005, Новосибирская обл., Новосибирск, ул. Ломоносова, д. 56.

конотворческому процессу в период реформ Петра I. Настоящая статья является собой первый опыт обозрения архаических и новаторских особенностей, свойственных законотворческому процессу этого периода.

Для начала необходимо отметить, что для законотворческого процесса в России первой четверти XVIII в. была характерна тенденция к интенсификации. Эта тенденция обуславливалась, с одной стороны, проведением широкого круга военных, административных, судебных и социально-экономических преобразований (что привело к возникновению множества новых объектов правового регулирования), а с другой — усвоением законодателем к середине 1710-х гг. концепции «полицейского» государства (*Polizeistaat*) (что предполагало детальную нормативную регламентацию как различных сторон жизни подданных, так и организации государственного аппарата)¹. Так, если за 47-летие, с февраля 1649 г. по февраль 1696 г. в нашей стране было издано 1458 нормативных актов, то лишь за 8-летие с 1717 г. по январь 1725 г. — 1584². Наиболее емко цель выработки нового законодательства Петр I сформулировал в собственноручно написанном предисловии к Уставу воинскому 1716 г.: «Дабы всякой чин знал свою должность... и неведением не отговаривался»³.

В наибольшей мере следование традиции в законотворческом процессе первой четверти XVIII в. проявилось в сохранении у законодателя представления о том, что ключевым сегментом системы законодательства России должен являться акт всеобщей кодификации законодательства. Именно задача составления нового единого кодифицированного акта была поставлена перед обоими кодификационными комиссиями первой четверти XVIII в.: Палатой

об Уложении 1700 г. и Уложенной комиссией 1720 г.

Не менее показателен в этом отношении и именной указ от 20 мая 1714 г. (черновая редакция которого была написана собственноручно царем) о признании высшей юридической силы за предшествующим единым кодифицированным актом — Уложением 1649 г. При этом в названном указе оговаривалось, что Уложение 1649 г. сохраняет силу до тех пор, пока не будет подготовлена его новая редакция («дондеже оное Уложение... исправлено и в народ опубликовано будет») ⁴. В свою очередь, в заключительной части Наказа «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г. Петр I удрученно констатировал, что «...Устава земского полного и порядочного не имеем»⁵.

Новацией в законотворческом процессе рассматриваемого периода стало изменение порядка официального опубликования нормативных актов, которые начали систематически тиражироваться типографским путем. Такое тиражирование было введено в России именным указом от 16 марта 1714 г. о печатании актов «о всех государственных генеральных делах»⁶. Согласно данному указу типографски начали публиковаться, во-первых, законы (в форме именных указов, имевших нормативное значение, уставов, инструкций, манифестов, регламентов, «должностей», «плакатов», «статей», «артикулов» и «процессов»), а во-вторых, акты, которые в современном понимании относятся к числу подзаконных — содержавшие нормы права указы Сената и распоряжения центральных органов власти (коллегий и канцелярий). Это означало принципиальный разрыв с архаической практикой предшествующих веков, когда нормативные акты обнародовались исключительно путем переписки, а правовая пропаганда сводилась к зачитыванию наиболее важных законов на городских площадях и торгах — что заведомо исключало сколько-нибудь прочное усвоение содержащихся в них норм даже непосредственными слушателями⁷.

Как удалось установить, с марта 1714 по январь 1725 гг. в России были типографски опубликованы 297 законодательных и иных

¹ В современной литературе концепцию «полицейского» государства (равно как и попытки ее реализации в практике государственного строительства в Западной Европе и России) наиболее развернуто осветил М. Раев (Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII вв.: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / пер. с англ. Самара, 2000. С. 48–79). См. также диссертационное исследование Э.Б. Курзенина, специально посвященное рассмотрению политико-правовых взглядов С. Пуфендорфа, внесшего значительный вклад в развитие концепции «полицейского» государства: Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самюэля Пуфендорфа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 1999.

² Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 16; Акишин М.О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 103.

³ Законодательные акты Петра I / сост. Н.А. Воскресенский. М.–Л., 1945. Т. 1. С. 52.

⁴ Законодательные акты Петра I. С. 41.

⁵ «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судостроительства и уголовной политики. 1716–1726 гг. / Публ. Д.О. Серова // Исторический архив. 2000. № 6. С. 202.

⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 5. № 2785. С. 88–89.

⁷ Подробнее см.: Новомбергский Н.Я. К вопросу о внешней истории Соборного уложения 1649 г. // Исторические записки. М.–Л., 1947. Т. 21. С. 44–45.

нормативных актов⁸. Наиболее важные законодательные акты обнародовались тогда неоднократно. К примеру, утвержденный царем 30 марта 1716 г. Устав воинский официально публиковался в первой четверти XVIII в. шесть раз: в июле 1716 г., в мае и декабре 1717 г., в мае 1718 г., в октябре 1719 г. и в июне 1721 г.⁹ Если учесть, что на протяжении XVII в. в нашей стране был напечатан единственный нормативный акт — Уложение 1649 г., подобный объем типографского тиражирования следует признать весьма значительным.

Официальное опубликование нормативных актов осуществляла в первой четверти XVIII в. главным образом Санкт-Петербургская типография, основанная в 1711 г. Печатные экземпляры законов, указов, манифестов, уставов распространялись тремя путями: во-первых, централизованно рассылались по государственным органам и учреждениям, во-вторых, вывешивались в Москве и Санкт-Петербурге в людных местах, в-третьих, передавались в свободную продажу. Это обеспечивало несомненно гораздо более широкое осведомление населения о содержании нормативных актов, нежели прежнее зачитывание их на площадях и торгах.

В тех случаях, когда нормативный акт не печатался, он обнародовался вполне традиционно — путем изготовления заверенных рукописных копий в канцелярии Правительствующего Сената. Эти копии рассылались затем по центральным органам власти. В свою очередь, центральные органы власти, получив список акта, при необходимости организовывали дополнительное его тиражирование путем переписки — для рассылки по территориальным органам.

Подобным образом оказался обнародован, к примеру, закон «Должность генерала-прокурора», который не был опубликован типографски ни в редакции от 27 января 1722 г., ни в редакции от 27 апреля 1722 г. Так, в Юстиц-коллегию заверенный список «Должности...» от 27 января 1722 г. поступил из Сената 20 февраля 1722 г. В Юстиц-коллегии этот список многократно переписали и, повторно заверив в собственной канцелярии, разослали «для ведома и исполнения» по надворным, городовым и провинциальным судам. Скажем, в канцелярию ландрихтера в Выборге копия «Должности...» поступила 9 апреля 1722 г.¹⁰

⁸ Подсчитано по: Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. / сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич. М.–Л., 1955; Описание изданий, напечатанных при Петре I: сводный каталог. Дополнения и приложения / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич, Р.И. Козинцева. Л., 1972.

⁹ Описание изданий гражданской печати... С. 192–193, 208, 217, 235, 267–268, 331.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов, ф. 285, оп. 1, кн. 5947, № 104, л. 3–3 об.

Еще одной новацией в законодательном процессе России первой четверти XVIII в. стало появление такой формы систематизации законодательства, как инкорпорация. Первым инкорпорационным актом в истории отечественного права следует признать сборник «Копии всех его царского величества указов, опубликованных от 714 с марта 17 дня по нынешней 1718 гг.», обнародованный в 1718 г. В состав названного сборника вошли 49 прежде публиковавшихся нормативных актов, изданных с марта 1714 г. по март 1718 г.¹¹ Как представляется, образцом для составления «Копий...» послужил несомненно хорошо известный советникам Петра I из числа балтийцев сборник «*Lieffländische Landes Ordnungen*» («Земские правила Лифляндии»). Данный сборник неоднократно печатался (в обновлявшихся редакциях) шведскими властями в Риге, последний раз — в 1707 г.¹²

На протяжении 1719–1725 гг. в России оказались опубликованы еще четыре подобных сборника (последний из них вышел из типографии 12 января 1725 г., за две недели до кончины Петра I)¹³. Подготовка сборников осуществлялась в канцелярии Правительствующего Сената, так что инкорпорация носила официальный характер. Нормативный материал составители сборников располагали по хронологическому принципу. Наиболее значительным по объему был сборник 1719 г., в состав которого оказалось включено 88 нормативных актов, изданных с марта 1714 г. по декабрь 1718 г. (22 акта за 1714 г., 16 актов за 1715 г., 5 — за 1716, 6 — за 1717 г. и 39 — за 1718 г.)¹⁴. Примечательно, что в сборнике, опубликованном в июне 1721 г., составители дополнительно предусмотрели особый тематический указатель актов, выделив десять рубрик («глав»): «О военных, и к тому принадлежащих разных делах», «О судных и розыскных, принадлежащих до юстиции делах», «О ямах, почтах и подставах» и т.д.¹⁵ К примеру, в раздел 2 «О судных и розыскных, принадлежащих до юстиции делах» оказалось внесено 14 актов,

¹¹ См.: Копии всех его царского величества указов, опубликованных от 714 с марта 17 дня по нынешней 1718 гг. СПб., 1718 (экземпляр Отдела редкой книги Библиотеки РАН).

¹² Калнынь В.Е. Очерки истории государства и права Латвии в XI–XIX вв.: эпоха феодализма и домонополистического капитализма. Рига, 1980. С. 84.

¹³ Описание изданий гражданской печати... С. 230, 256, 332–333, 435–436, 474.

¹⁴ См.: Копии его царского величества указов, опубликованных от 1714 с марта 17 дня по нынешней 1719 гг. СПб., 1719 (экземпляр Отдела редкой книги Библиотеки РАН).

¹⁵ Копии его царского величества указов, состоявшихся в 1719 и в 1720 гг. СПб., 1721. С. II, 1–5 (экземпляр Отдела редкой книги Библиотеки РАН).

начиная с распоряжения Юстиц-коллегии от 16 апреля 1719 г. об усилении борьбы с разбоями.

Законотворческому процессу первой четверти XVIII в. была свойственна впервые реализованная масштабная рецепция западноевропейских правовых институтов, особенно широко — шведских¹⁶. При этом отмеченная рецепция осуществлялась не одномерно, а по трем сценариям: 1) сопровождавшееся минимальной адаптацией прямое перенесение на отечественную почву иностранных правовых институтов; 2) углубленная адаптация зарубежных образцов к российским условиям, попытки осуществить синтез зарубежных и отечественных правовых институтов; 3) поверхностное, фрагментарное заимствование иностранных правовых институтов.

Первый сценарий претворялся в жизнь в тех сферах преобразований, в которых соответствующие отечественные образцы либо отсутствовали как таковые, либо абсолютно не соответствовали проводимой законодателем линии реформирования — прежде всего, в военном и в военно-морском законодательстве. К примеру, несмотря на активное участие Петра I в выработке первого военно-уголовного кодекса России — Артикула воинского 1714 г., этот законодательный акт остался в основе своей компиляцией западноевропейских уставов и инструкций. В еще большей мере очевиден аналогичный компилятивный характер «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» 1712 г. — первого отечественного военно-процессуального кодекса¹⁷.

Второй сценарий реализовывался в тех областях, в которых сложились столь прочные национальные традиции государственного строительства и правового регулирования, что законодатель не решился на их кардинальную

ломку — в системе местных и высших органов государственной власти, в системе органов городского самоуправления, в общем судебном устройстве, в уголовном и гражданском законодательстве. Так, несмотря на стратегическую установку Петра I на систематическое перенесение на отечественную почву шведских правовых образцов, процесс этого перенесения осуществлялся отнюдь не прямолинейно, велась целенаправленная законотворческая работа по адаптации шведских институтов к российским условиям.

Рассмотрим, для примера, процесс заимствования из Швеции принципа структурного и функционального отделения судебных органов от административных. Наиболее радикальное установление по разграничению полномочий между административными и судебными органами российский законодатель внес в ст. 22 Инструкции или наказа земским комиссарам от января 1719 г.: «А что до юстиции в уезде принадлежит, то впредь губернатору или воеводе и земскому комиссару до онаго дела не иметь». В той же ст. 22 руководящим должностным лицам низовых органов управления предписывалось (всецело в шведском духе) оказывать органам правосудия необходимое содействие: «земскому комиссару яко нижнему начальнику в уезде нижнему суду вспоможение чинить»¹⁸. Зарубежное влияние здесь совершенно очевидно: как установил К. Петерсон, в качестве источника для составления Инструкции земским комиссарам 1719 г. была использована шведская Инструкция дистриктным управителям (*häradsfogde*) 1688 г.¹⁹

А вот в изданной в том же январе 1719 г. Инструкции или наказе воеводам законодатель уже отказался от столь буквального копирования иностранного правового образца — при всем том, что названная Инструкция была, как продемонстрировал К. Петерсон, подготовлена на основе шведской Инструкции ландсховдингам (*landshövding*) 1687 г.²⁰ В ст. 5 шведской Инструкции говорилось: «Ландсховдинг да не будет никак касаться разбирательства спорных дел или смешивать свою и судебную должность — ни в городах, ни в деревне»²¹. В ст. 5 российской Инструкции воеводам исходная шведская норма подверглась существенной переработке: «Хотя ему, воеводе, не надлежит ссор, тяжбного дела между подданных судить и судьям в расправе их помешательство чинить, однако

¹⁶ Крупнейшим вкладом в изучение темы о шведском влиянии на государственные преобразования в России конца 1710-х – начала 1720-х гг. на сегодня следует признать диссертацию К. Петерсона «Административная и судебная реформы Петра Великого: шведские образцы и процесс их адаптации», защищенную в ноябре 1979 г. на юридическом факультете Стокгольмского университета и изданную в том же году в виде монографии (см.: Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Lund, 1979). Современное автореферативное изложение материалов этого исследования см.: Петерсон К. Реформы Петра I в сфере государственного управления и их шведские прототипы // Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 257–271.

¹⁷ Подробнее см.: Серов Д.О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Russica. Научные труды Московской государственной юридической академии. 2013. № 2. С. 113–121.

¹⁸ Полное собрание законов Т. 5. № 3295. С. 637.

¹⁹ Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 268.

²⁰ Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 270–281.

²¹ Цит по: Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 272.

ж ему крепко смотреть, чтоб земские судьи по данной им инструкции уездный суд управляли и подданных продолжением и волокитами не утесняли»²².

Одновременно в ст. 6 российской Инструкции оказалось предусмотрено право воеводы вносить в надворный суд протесты на решения по гражданским делам, вынесенные размещенными в провинции судами первого звена. Иными словами, не желая вовсе порывать с многовековой отечественной традицией, по которой местный орган общего управления обладал на подведомственной территории всей полнотой власти, законодатель в 1719 г. сохранил за главой провинциальной администрации, в современном понимании, право надзора за деятельностью «нижних» судов.

В рамках второго сценария крупнейшей попыткой осуществить синтез российской и зарубежной систем законодательства стал грандиозный проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг., подготовка которого осуществлялась Уложенной комиссией 1720 г.²³ Создававшийся во исполнение указания Петра I составить «Уложение российское с шведским», этот законопроект разрабатывался путем взаимосовмещения норм, извлеченных из широкого круга шведских и российских законодательных источников, особое место среди которых занимало Уложение 1649 г. Как установил А.С. Замуруев, нормы шведских нормативных актов были использованы в качестве источника при подготовке 32% статей проекта Уложения 1723–1726 гг. Источниками 30% статей проекта послужили нормы российского законодательства первой четверти XVIII в., источниками 15% статей — нормы Уложения 1649 г.²⁴

Третий из отмеченных сценариев воплощался в жизнь в тех случаях, когда законодатель либо не имел достаточных сведений об избранном в качестве образца зарубежном правовом институте, либо стремился лишь ограниченно модернизировать существовавший российский институт. Крайним выражением подобного

сценария явился феномен использования иноязычной терминологии для обозначения создававшихся российских институтов, вообще не имевших зарубежных аналогов. Скажем, совершенно очевидны глубокие различия в компетенции основанной в 1722 г. российской прокуратуры и ее зарубежного прообраза — прокуратуры Франции (*ministère public, parquet*).

Если обратиться к тексту закона «Должность генерала-прокурора» (в редакциях от 27 января 1722 г. и от 27 апреля 1722 г.), то станет очевидным, что новоучрежденная российская прокуратура в качестве базисной получила отнюдь не присущую французской прокуратуре функцию уголовного преследования, а вполне оригинальную функцию общего надзора²⁵. Таким образом, заимствовав из Франции наименование должностных лиц прокуратуры (а также принцип централизации в ее построении), Петр I наделил прокуратуру России в момент основания существенно иными полномочиями.

Наиболее же ярким примером использования иноязычного термина для обозначения вполне оригинального российского учреждения следует признать историю с Юстиц-коллегией. Основанная в 1717 г. Юстиц-коллегия не имела не только шведского, но и вообще какого-либо зарубежного образца — по причине возложения на нее функции судебного управления, невиданной для государственного аппарата ни одной из стран Европы²⁶. Сам термин «Юстиц-коллегия», вероятнее всего, впервые появился (в написании «*Justice-Collegium*») в записке Г.-В. Лейбница, представленной Петру I в 1711 г.²⁷

Наконец, нельзя не отметить, что к конотворческому процессу в России первой четверти XVIII в. оказались впервые широко привлечены состоявшие на российской службе иностранные специалисты, ряд из которых имел высшее юридическое образование. Из числа таких лиц следует отметить, прежде всего, Генриха Фика (*Heinrich Fick*), Генриха Гюйссена (*Heinrich Freiherr von Hüysen*), Германа Бреверна (*Hermann von Brevern*), Магнуса Нирота (*Magnus Wilhelm von Nieroth*) Сигизмунда Вольфа (*Sigismund Adam Wolf*), Эрнста Кромпейна (*Ernst Friedrich Krompein*). К примеру, обучав-

²² Полное собрание законов. Т. 5. № 3294. С. 625.

²³ Наибольшим вкладом в изучение проекта Уложения 1723–1726 гг. следует признать оставшуюся малоизвестной в России статью К. Петерсона 1983 г. «Использование датского и шведского права в Уложенной комиссии Петра Великого 1720–1725 гг.», а также защищенную в январе 1993 г. диссертацию А. С. Замуруева, опубликованную в 2006 г. (Peterson C. Användningen av dansk och svensk rätt i Peter den stores lagkommission, 1720–1725 // Danske og Norske Lov i 300 år / red. Ditlev Tamm. København, 1983. S. 369–404; Замуруев А.С. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг. – памятник отечественной политико-правовой мысли // Замуруев А.С. Работы разных лет. Псков, 2006. С. 156–366).

²⁴ Замуруев А.С. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг. С. 313.

²⁵ Подробнее см. Серов Д.О. Петр I и прокуратура Франции // Законность. 2011. № 1. С. 58–60.

²⁶ В этом отношении особенно показательны безуспешные попытки К. Петерсона отыскать аналог Юстиц-коллегии в судебной системе Швеции начала XVIII в. (Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 307–311).

²⁷ Petschauer P. The Philosopher and the Reformer: Tsar Peter, G.W. Leibniz and the College System // Canadian-American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. № 4. P. 486.

шийся юриспруденции в Иенском университете, бывший шведский адвокат Э. Кромпейн явился составителем проектов Артикула воинского и «Краткого изображения процессов...», а также одним из основных участников подготовки проекта Уложения 1723–1726 гг.

Подводя итог изложенному выше, следует заключить, что в законотворческом процессе в России первой четверти XVIII в. следование традиции выразилось в устойчивом сохранении у законодателя представления о том, что ключевым сегментом системы законодательства

должен быть единый кодифицированный акт. Новациями в законотворческом процессе этого периода явились: введение официального опубликования нормативных актов типографским путем, появление инкорпорации, а также невиданная по масштабу рецепция западноевропейских правовых институтов. Вместе с тем, означенная рецепция происходила отнюдь не прямолинейно, иностранные образцы нередко глубоко адаптировались к российским условиям.

Библиография:

1. Акишин М.О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. — 2010. — № 3. — С. 95–117.
2. Замуруев А.С. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг. — памятник отечественной политико-правовой мысли // Замуруев А. С. Работы разных лет. Псков: б. и., 2006. — С. 156–366.
3. Калнынь В.Е. Очерки истории государства и права Латвии в XI–XIX веках: эпоха феодализма и домонополистического капитализма. — Рига: Звайгзне, 1980. — 223 с.
4. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самюэля Пуфендорфа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12. 00. 01. — Н.Новгород, 1999. — 22 с.
5. Новомбергский Н.Я. К вопросу о внешней истории Соборного уложения 1649 года // Исторические записки. — М.;Л.: Изд. АН СССР, 1947. Т. 21. — С. 43–50.
6. Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. — СПб.: Наука, 1998. — 215 с.
7. Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 гг.: сводный каталог / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич; под ред. П.Н. Беркова. — М.; Л.: Изд. АН СССР, 1955. — 625 с.
8. Описание изданий, напечатанных при Петре I: сводный каталог. Дополнения и приложения / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич, Р.И. Козинцева; под ред. П.Н. Беркова. — Л.: БАН, 1972. — 180 с.
9. Петерсон К. Реформы Петра I в сфере государственного управления и их шведские прототипы // Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур / под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. — М.: РГГУ, 2009. — С. 257–271.
10. Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII вв.: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология. Пер. с англ. — Самара: Изд. «Самарский университет», 2000. — С. 48–79.
11. Серов Д.О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Russica. Научные труды Московской государственной юридической академии. — 2013. — № 2. — С. 113–121.
12. Серов Д.О. Петр I и прокуратура Франции // Законность. — 2011. — № 1. — С. 58–60.
13. Серов Д.О. «У сочинения Уложенья росийского с швецким быть...»: Уложенная комиссия 1720 г. и ее труды // Институты государства и права в их историческом развитии: сб. науч. статей / под ред. Т.Е. Новицкой. — М.: Зерцало-М, 2012. — С. 139–160.
14. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии: учеб. пособие. — М.: Зерцало-М, 2010. — 216 с.
15. Peterson C. Användningen av dansk och svensk rätt i Peter den stores lagkommission, 1720–1725 // Danske og Norske Lov i 300 år / red. Ditlev Tamm. — København: Juristforbundet, 1983. — S. 369–404.
16. Peterson C. Der Morskoj Ustav Peters des Großen. Ein Beitrag zu seiner Entstehungsgeschichte // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — Neue Folge. — 1976. — Bd. 24. — S. 345–356.
17. Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. — Lund: A.-B. Nordiska Bokhandeln, 1979. — XII, 448 p. (Rättshistoriskt Bibliotek. — Bd. 29).
18. Petschauer P. The Philosopher and the Reformer: Tsar Peter, G.W. Leibniz and the College System // Canadian-American Slavic Studies, 1979. — Vol. 13. — № 4. — P. 473–487.

References (transliteration):

1. Akishin M.O. «Obshchee blago» i gosudarev ukaz v epokhu Petra Velikogo // Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2010. — № 3. — S. 95–117.
2. Zamuruev A.S. Proekt Ulozheniya Rossiyskogo gosudarstva 1723–1726 godov — pamyatnik otechestvennoy politiko-pravovoy mysli // Zamuruev A. S. Raboty raznykh let. Pskov: b.i., 2006. — S. 156–366.
3. Kalnyn' V.E. Ocherki istorii gosudarstva i prava Latvii v XI–XIX vekakh: epokha feodalizma i domopolisticheskogo kapitalizma. — Riga: Zvaygzne, 1980. — 223 s.
4. Kurzenin E.B. Politiko-pravovoe uchenie Samyuelya Pufendorfa: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01. — N.Novgorod, 1999. — 22 s.
5. Novombergskiy N. Ya. K voprosu o vneshney istorii Sobornogo ulozheniya 1649 goda // Istoricheskie zapiski. — M.;L.: Izd. AN SSSR, 1947. T. 21. — S. 43–50.
6. Man'kov A.G. Zakonodatel'stvo i pravo Rossii vtoroy poloviny XVII v. — SPb.: Nauka, 1998. — 215 s.
7. Opisanie izdaniy grazhdanskoj pechati. 1708 — yanvar' 1725 g.: svodnyy katalog / sost. T.A. Bykova, M.M. Gurevich; pod red. P.N. Berkova. — M.; L.: Izd. AN SSSR, 1955. — 625 s.
8. Opisanie izdaniy, napechatannykh pri Petre I: svodnyy katalog. Dopolneniya i prilozheniya / sost. T.A. Bykova, M.M. Gurevich, R.I. Kozintseva; pod red. P.N. Berkova. — L.: BAN, 1972. — 180 s.
9. Peterson K. Reformy Petra I v sfere gosudarstvennogo upravleniya i ikh shvedskie prototipy // Poltava: sud'by plennykh i vzaimodeystvie kul'tur / pod red. T. Toshtendal'-Salychevoy i L. Yunson. — M.: RGGU, 2009. — S. 257–271.
10. Raev M. Reguljarnoe politseyskoe gosudarstvo i ponyatie modernizma v Evrope XVII–XVIII vekov: popytka sravnitel'nogo podkhoda k probleme // Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskiy period: antologiya. Per. s angl. — Samara: Izd. «Samarskiy universitet», 2000. — S.48–79.
11. Serov D.O. Zabytye redaktsii Artikula voinskogo i «Kratkogo izobrazheniya protsesov ili sudebnykh tyazheb» (iz istorii kodifikatsii voennogo zakonodatel'stva Rossii XVIII v.) // Lex Russica. Nauchnye trudy Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. — 2013. — № 2. — S. 113–121.
12. Serov D.O. Petr I i prokuratura Frantsii // Zakonnost'. — 2011. — № 1. — S. 58–60.
13. Serov D.O. «U sochineniya Ulozhen'ya rosiyskogo s shvetskim byt'...»: Ulozhennaya komissiya 1720 g. i ee trudy // Instituty gosudarstva i prava v ikh istoricheskom razvitii: sb. nauch. statey / pod red. T.E. Novitskoy. — M.: Zertsalo-M., 2012. — S. 139–160.
14. Tomsinov V.A. Yuridicheskoe obrazovanie i yurisprudentsiya v Rossii v XVIII stoletii: ucheb. posobie. — M.: Zertsalo-M, 2010. — 216 s.
15. Peterson C. Användningen av dansk och svensk rätt i Peter den stores lagkommission, 1720–1725 // Danske og Norske Lov i 300 år / red. Ditlev Tamm. — Köpenhamn: Juristförbundet, 1983. — S. 369–404.
16. Peterson C. Der Morskoj Ustav Peters des Groüen. Ein Beitrag zu seiner Entstehungsgeschichte // Jahrbücher für Gescnichte Osteuropas. — Neue Folge. — 1976. — Bd. 24. — S. 345–356.
17. Peterson C. Peter the Greaüs Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. — Lund: A.-B. Nordiska Bokhandeln, 1979. — XII, 448 p. (Rättshistoriskt Bibliotek. — Bd. 29).
18. Petschauer P. The Philosopher and the Reformer: Tsar Peter, G.W. Leibniz and the College System // Canadian-American Slavic Studies, 1979. — Vol. 13. № 4. — R. 473–487.

Материал получен редакцией 29 марта 2013 г.